

НОВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ГОВОРом Д. ЛЕКА

(По следам А. А. Шахматова и С. С. Высотского)

Одна из важных задач диалектологии - установить динамику развития современных говоров, определить последовательные этапы и причины изменения, выявить наиболее и наименее устойчивые диалектные черты. Приемом такого исследования может быть сравнение речи разных поколений жителей одного и того же населенного пункта. Такое сравнение возможно при однократном обследовании одного и того же населенного пункта, когда записывается и анализируется речь представителей разных возрастных групп; возможно это сравнение и при анализе речи одной возрастной группы, проведенном в разные годы.

Говор деревни Лека ныне Шатурского района Московской области обследовался дважды - А. А. Шахматовым в 1912 г. и С. С. Высотским в 1945 г. Имеются подробные описания говора, сделанные этими учеными (см. Шахматов 1913, Высотский 1949).

Летом 1992 г. мы провели два дня в Леке и двух соседних деревнях - Старо-Черкасове и Шеине, не отличающихся по говору от Леки по нашим наблюдениям и по отзывам местных жителей. Эти три деревни, а также целый ряд других (Пышлицы, Якушевичи, Зименки, Коренец, Тельма, Чисма, Перхурово и др.) входят в округ, имеющий неофициальное старинное название Ялмоть - по имени реки Ялма. Это название, зафиксированное Шахматовым и Высотским, продолжает бытовать среди местного населения.

Мы произвели магнитофонные записи (около 7 часов звучания) от местных жителей - женщин старшего поколения (от 64 до 86 лет). Следует отметить, что Шахматов и Высотский также обследовали речь старшего поколения.

Полученные магнитофонные записи дали нам возможность сравнить современное состояние говора с тем, каким он был 80 и 47 лет тому назад. Анализ материала показал, что основные диалектные черты в области фонетики, морфологии и лексики, отмеченные предшествующими исследователями, продолжают сохраняться и по сей день.

В этой статье мы остановимся только на фонетических особенностях говора деревень Леки, Старо-Черкасова и Шеина, условно называя этот говор лекинским.

В современном лекинском говоре продолжает сохраняться семифонемный вокализм: осуществляется контраст между [b̥] - [e], [ω] - [o].

В соответствии с б̥ встречается произношение дифтонга [ie] или закрытого [e] после мягкого согласного: с'иена, с'м'иех, с''иела, сав'иеть, кал'иену, пьдасп'иела, атв'иет, с'т'иены, жыл'иезъм, аб'иед'н'у, фс'ием (см. схемы 1, 1а, 1б), в'ил'ёл, д'ёвч'к'и, зач'ём, в Мь'скв'ё.

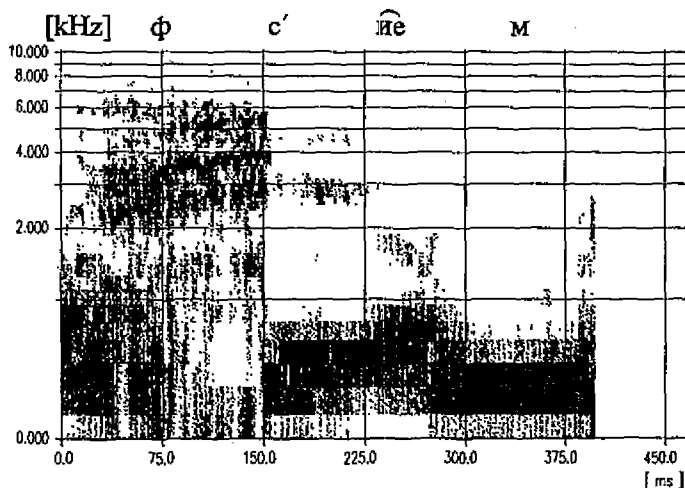

Схема 1: Сонаграмма слова "всем". В позиции 230 мс. наблюдается резкое падение второй форманты. Подробное положение формант показано на схеме 1а и 1 б.

Схема 1а:

Спектр слова "всем" (см. схему 1) в позиции 220 мс.

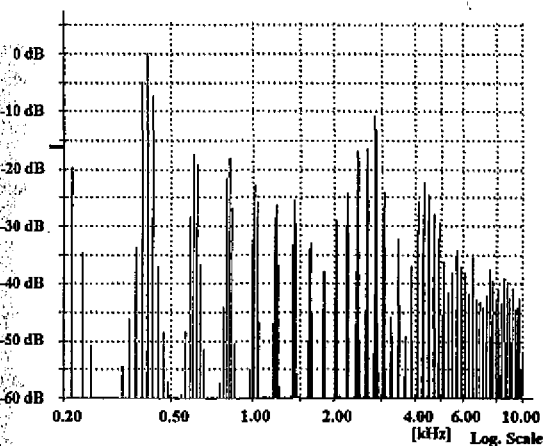
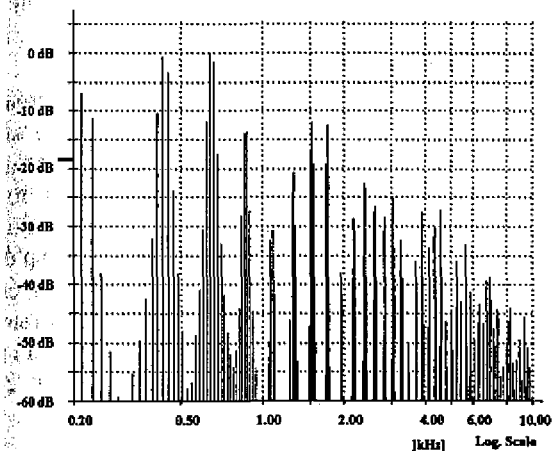

Схема 1б:

Спектр того же слова "всем" в позиции 260 мс; подъем первой и падение второй формант указывает на движение от [и] к [е].

В соответствии с [е] встречается произношение дифтонга [еи], дифтонгоида [е^и] или открытого [е] после полумягкого согласного: в^{еи}с'т' (=вести, см. схему 2), кан^{еи}ц, праф^{еи}сър, в^{еи}с', м^{еи}д'ик, п^{еи}ч'ку, з^{еи}мл'у, л^{еи}кшъ (3 раза), н^{еи}рф, тру-д^{еи}дн'и, д^{еи}н'ги.

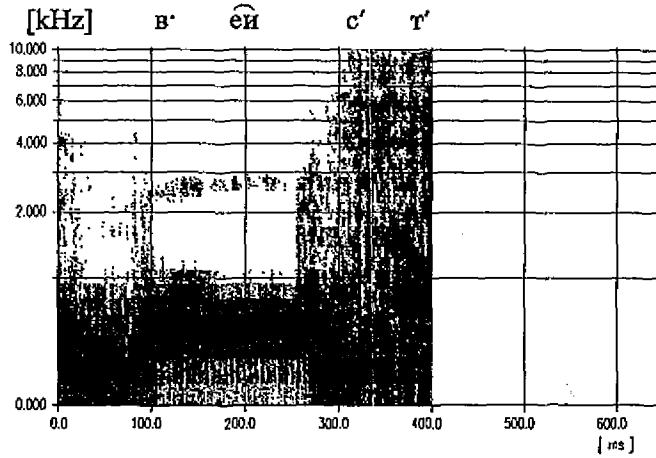

Схема 2: Сонограмма слова в'еи'с'т' "везти" с характерным для дифтонга [еи] движением второй форманты вверх.

Однако чаще контрастируют не гласные, а согласные. При этом и в соответствии с {b̆} и в соответствии с {e} может произноситься гласный типа [e], но предшествующие согласные различны: мягкий перед {b̆} и полумягкий или изредка твердый перед {e}: паб'эдаш (=пообедаешь), з'д'элаш, з'д'элам, нъ з'емл'э, уω Маскв'э, ум'эит, скър'эь, пръв'эр'ит', у м'ед'в'эд'ь; - тип'эр'а, настэл'ьш, ав'эц, прьдав'эц, н'э дал'и, н'экму (=некому), н'еб'эснъ, д'эшв'ь, з'эмл'у, в д'ер'эвн'и, д'эн'г'и, д'ет'эц, угл'эц, рубл'эц, д'эн'ьк, д'ен', м'эл'н'ицу, кап'эик'и, в'эч'ир, п'эч'ку (см. схему 3), вр'эм'ьм.

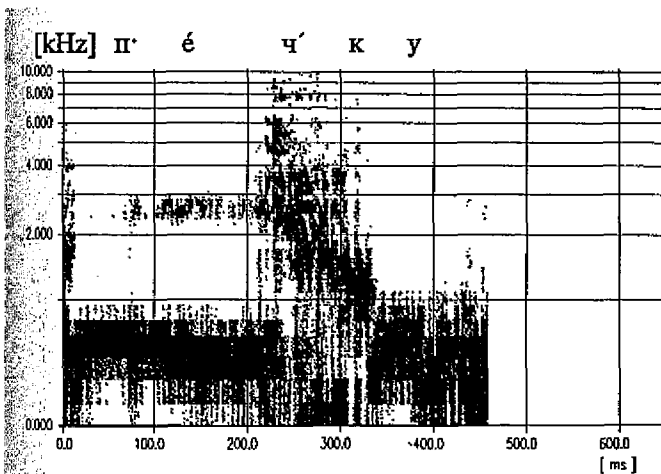

Схема 3: Сонаграмма слова "печку". Первая форманта гласного: [ё] легко сдвинута вниз, вторая оказывается стабильной.

Фонема {ω} может реализоваться дифтонгом типа [уо] и закрытым [о]: ф туоц, наруот, старуонкь, ахуот'н'ик'и, гатуов'иш, пр'ивуоз'ат, скуол', шастуовъ, дьл'екуо, палнуо, т'ижалуо, зьтр'аслуо, хьрашуо, н'и днавуо (=ни одного), идет пуоп (см. схему 4), поп, на нощкьф, забот'с'и, з'имоц, ис такоц.

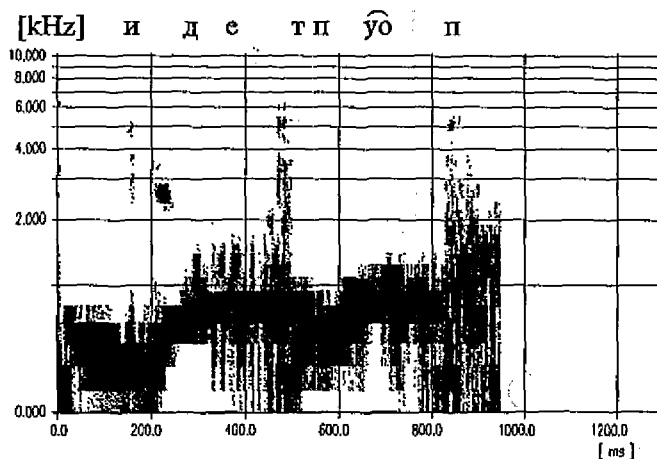

Схема 4: На сонаграмме слова "пуоп" видна постепенная делябиализация гласного в виде подъема первой и второй форманты.

Фонема [o] может реализоваться неоднородным гласным типа [ou, oʊ] и открытым [ɔ]: доум, г доуму, г до'му, плоухь, трбу, то'жь, ро'щ, н'ч'у, такџи (муж.р.), глазнџи (муж.р.), двџиь, икџны, хрџмьвы, лџшт'т', гуртџм, пастџм, прџсь, кџрн'и, пџм'ър, сџтак, бџгу, дџч'и, пџмьш' (см. схему 5), кџлас, гџльс, вол, вор, долк, гџрдьс'т', џс'ен', џн, џмьрьк, џфцы, џтпуск, рџжаствџ, н'ич'авџ, а тџ.

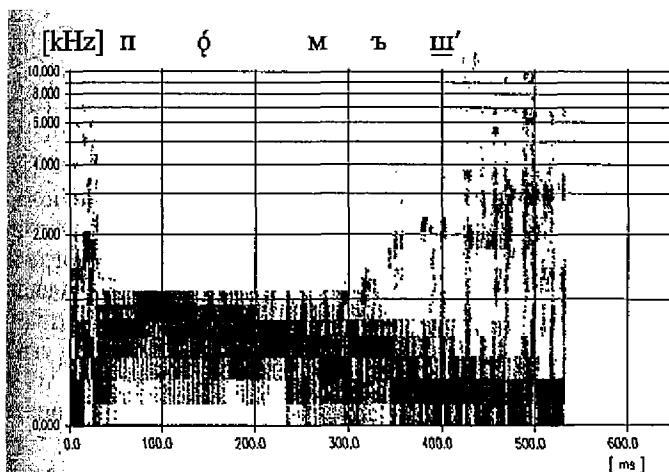

Схема 5: Первая форманта гласного [o] незначительно ниже той же форманты начальной фазы дифтонга [yo]. Рядом с лабиальным согласным наблюдается понижение формант.

Встречается также двумерный гласный с ослаблением интенсивности на второй части: ф кѡпу, ф стѡк. Противопоставление {ω - o} возможно и после мягких согласных: тѡска - фс'уѡ, ч'ѡрныѡ, в'ед'ѡркѡ.

Контраст между {ω} и {o} сопровождается также различиями в предшествующих согласных: перед {ω} согласные лабиализованы, а перед {o} - не лабиализованы. Возможно также произношение на месте {ω} звука [o] с лабиализованным предшествующим согласным: раб^oѡтът', мн^oѡгѡ, ч'а^oѡф, бр'евн^oѡ.

Фонема {o} выступает в новых для говора словах: батѡн, ком'ик, калхѡ'с, кѡфта, мѡда, матѡр, нѡрма.

Отмечена консонантизация начальной фазы дифтонга [yo] и изменение ее в [в]: харвѡшгѡ, рабвѡтът', пр'ихвѡд'им, ахвѡта, дарвѡжѡ (о причинах подобного явления в других говорах см. Касаткин 1990, с. 176-177).

Помимо дифтонгов, в которых могут реализоваться рассмотренные четыре фонемы, в говоре отмечены также и другие неоднородные гласные. После мягких согласных под ударением в соответствии с {a} может произноситься [ja]:

п'ят'н'ица, д'ев'ятый, п'в'яск'и, с^ь р'еб'ятъм'и, м'ял'и, пр'ял'и, сув'яслъм, аб'язън, д'ер'ев'яны. Дифтонги [eo], [io] отмечены после мягкого согласного в соответствии с {o} м'ет'еолку, жив'иом, ав'иос, прав'иол.

Такие же дифтонги могут произноситься и на месте {j} + {a}, {o}, {e} после мягких согласных, напр., с'ем'я, б'иом, кар'яра. Не отмечено предшествующими исследователями Леки "расщепление" [y] под ударением после твердых согласных. В соответствии с этим гласным неоднократно произносился неоднородный гласный типа [ou], [ou̯], [yu]: в'интоуит (=бинтует), роушыл'и, слоушът', шоубу (см. схему б), палпууда, мууш, дуушът.

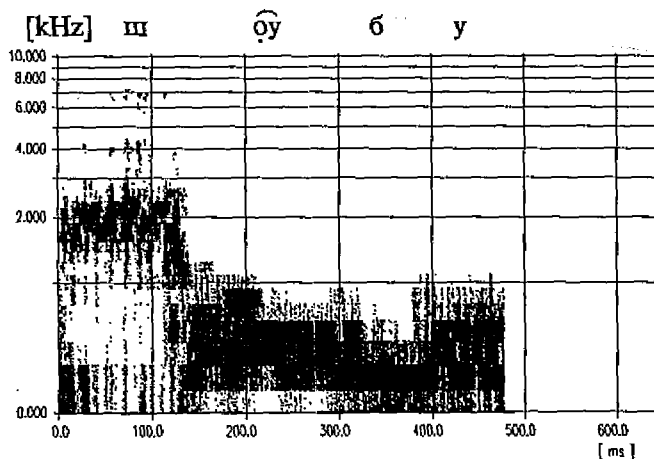

Схема б: Падение второй форманты гласного "ou" (в позиции 200 мс) и первой (в позиции 250 мс.) указывают явным образом на дифтонгизацию.

В этих случаях произносится дифтонг, сходный по направлению движения языка с дифтонгом [ou̯], в котором реализуется фонема {o}. Тем не менее контраст между {o} и {y} сохраняется, т.к. дифтонги, в которых воплощаются эти фонемы, произносятся на разных уровнях. Кроме того, в дифтонге, выступающем на месте {o}, первая часть слоговая, а

вторая - неслоговая, а в дифтонге, выступающем на месте {y}, наоборот, слоговой является вторая часть.

Таким образом, в лекинском говоре в его современном состоянии под ударением обнаруживаются разнообразные дифтонги, что, безусловно, связано с архаикой его вокалической системы (см. Касаткин 1991, с. 15-16).

В соответствии с [ы] литературного языка в говоре произносится гласный, отодвинутый в область заднего ряда, напряженный: мѣ, цѣпѣ, лажѣс'а, тѣ, Пѣшл'ицы, ч'атѣр'и, шѣф'ир' (= шифер), в'иснѣ, м'яладѣх, сѣрфанѣ, пѣшныца, ск'ладѣ, раднѣи, стѣднѣ.

Предударный вокализм после твердых согласных характеризуется аканьем, т.е. неразличением фонем {o} и {a}. Обращает на себя внимание качество гласного, репрезентирующего эти фонемы: это довольно краткий, редуцированный гласный, более высокий по подъему, чем [a]: [a, a^h, ʏ], ср. примеры: пакá, лапáт'и, б'р'ьсáл'и, д'вáи, б'р'ьсáица, п'ьслáл'и, р'ьвн'áл'и, в'з'ýл'ь, с'ьжáл'ь, с'к'р'еь, пл'хáа, Н'ик'лáи.

В отдельных случаях в этой позиции отмечен лабиализованный гласный: в М'ь^oскв'е, кул'ь^oк'и, в'ь^oз'ýл'и, б'р'ь^oсáица.

После мягких согласных довольно устойчиво сохраняется эканье, т.е. различение {o}, {a}, {e}, {b}, с одной стороны, и {и} с другой: п'ес'фк, д'ежур'ит, л'еглá, н'е л'ежал, б'езум'ная, н'е з'наю, б'езум'на, н'е з'наим, б'егý, в'з'елá, абм'ер'áт', с'ем'на, м'ет'еолку, м'ешк'и, у м'ед'в'ед'ь, пр'ьв'ер'áт', у м'ен'á, н'ь з'емл'е, р'еб'онк'ь, см'еял'ис', з' ден'г'áм'и, п'еб'еснѣ, п'ег'и, м'ек'инѣ, гл'ед'и; атл'ич'áиуцо, з'имá, з'им'ои, пус'тилá.

При этом наблюдается явная тенденция к расширению [e] в предударном слоге и произношению в этой позиции [e]: [æ]: в'еснá, з'ернá, в'есн'ои, в'æнк'и, в'ед'ут, с'в'æнца, ш'ир'æдá (= череда), м'æшáш, с'т'æклá, сл'æдáм, р'едý; с'ьб'æр'ош, бл'æс'т'áт, уб'æр'и, в'æз'и. В отдельных случаях в этой позиции мы отмечали произношение гласного [a]: д'в'анáица, ч'атѣр'и, ч'асáм, фч'арáс', н'ич'авó, т'асóф; иáш'ó, т'аб'е.

В говоре продолжает сохраняться особая ритмико-динамическая структура слова, при которой происходит сильная

количественная редукция (нередко до нуля) гласных слабых безударных слогов - 2-го предударного и 1-го заударного:

2-й предударный слог: сѣрфанѣ, гвар'а, зѣ бутылкѣ, зыгѣрад'ил, апѣрас'илъс (= опоросилась), пѣм'ерла, гвар'у, пѣрдѣв'икѣф, прас'онка, псад'ил'и.

1-й заударный слог: ф карт прѣиград, пап тѣ ум'ер, мán'ѣн'к'а, рук' (= руки), р'еб'онк н'ет, н'экму, Кѣрбѣвъ (= Коробово), тог гѣрдѣс'т'у, гѣрсч'к'и, ладѣшк'и, н'е дѣл'и, за з'ра (= за озеро), старуш'к'ъ (= старушечки), икѣн прапал'и, л'уп пѣгл'ед'ет' (= любо поглядеть).

Как и многим среднерусским и южнорусским говорам, говору Леки свойственно стяжение рядом стоящих гласных, что наблюдается в разных позициях по отношению к ударению: паб'ѣдаш (= пообедаеть), за з'ерь (= за озеро), н'и днавуѣ (= ни одного).

Такое стяжение наблюдается и после выпадения {j}: така, мán'ѣн'к'а, б'езумна; з'д'ѣлу (= сделаю), паду (= падаю), дад'ѣлу (= доделаю), вѣмус' (= вымоюсь), думаш, вѣрѣбѣтыш, н'е работѣт, аплáч'ивут, з'д'ѣлаш, з'д'ѣлам, работѣт, спрашывут, сп'исывут, вѣмѣт (= вымоет), задумѣт (= задумают).

Неоднократно мы отмечали случаи метатезы гласного и плавного, напр., кѣлдаваѣна, кѣлдаш'ик, кѣрсатá, а также случаи метатезы плавного и шумного согласного: кѣлбук'и, кѣлбуч'ок, нѣ кѣлбукáф.

В области консонантизма яркой приметой лекинского говора остается произношение полумягких и твердых согласных в соответствии с мягкими литературного языка. Такие согласные произносятся в ударных слогах перед {e}, напр. угл'ѣи, ис кап'ѣик'и, кап'ѣику, в'ѣч'ър, м'ѣч'ут, вр'ѣм'ѣм, п'ѣч'ку, ав'ѣц, пѣгруб'ѣит, гр'ѣбн'и, м'ѣл'н'ицы, в'ѣс'т' (= везти), м'ѣн'шѣ, в'ѣис', д'ен', прѣдав'ѣц, м'ѣл'н'ицѣ, рубл'ѣи; в безударных слогах перед [e], [æ] в соответствии с фонемами {b̆}, {e}, {o}, {a}: в'ѣз'д'ѣ, в'ѣз'ѣ, у н'ѣвуѣ, п'ѣкарн'а, б'ѣр'ом, зѣв'ѣд'онѣ, см'ѣтанѣ, з'ѣрна, б'ѣгѣ, т'ѣл'ат, н'ѣб'ѣснѣ, в д'ѣр'ѣвн'и, т'ѣп'ѣрч'а, б'ѣзумна, м'ѣк'ѣнѣ, пѣм'ер.

Изредка мы фиксировали произношение немягкого согласного перед {и}: кар'м'ѣт'и, ан'и, куп'ѣт'и, куп'ѣл'и, хвát'ит, м'ѣшк'и; ср. также бѣсѣком (= босиком). Твердые или полумягкие согласные произносятся также в заимство-

ванных словах перед {e}: праф^есьр, фаз^енда, н^ерф, м'эд'ик. Полумягкий [т'] отмечен и в конце слов - преимущественно в инфинитивах глаголов: пръв'ер'ат', сказат', гл'енут', раб^тьт', абм'ер'ат'. Внутри синтагмы в сочетании со следующим твердым согласным, начинающим слово, выступает твердый [т]: жыт' сталъ т'ижалу; з'ат пр'ихуд'ит.

В 1912 году А. А. Шахматов отмечал, что говору Ялмоти свойственно цоканье. С. С. Высотский в 1945 г. застал лишь остаточные следы этого явления. К нашему времени уже не осталось и следов цоканья, т.е. аффрикаты [ц] и [ч] различаются. Но при этом следует отметить неустойчивость шипящей аффрикаты: в соответствии с ней может произноситься, наряду с [ч'], фрикативный [ш']: ш'ем (= чем), старуш'к'ь, п'еш'ку, ш'ир'ядá (= череда); либо смычный согласный: п'лут'ал'и, т'ас^оф, мут'ильс', нат'ис'т'иш, гр'е-тиху, т'ем (= чем).

В качестве фонетического раритета С. С. Высотский отмечал спорадическое произношение диффузного согласного, напоминающего одновременно и [х] и [ф]. Существование этого звука мы отметили и сейчас в случаях вых^Фод'ил'и, ох^Фцы.

Рефлексы этого артикуляционно сложного звука закреплены в виде варьирующих согласных то преимущественно губного характера (нъ рукаф, нъ нагаф, кúфн'ь, л'обкьд, л'обкуду, фран'ил'ш'ь (= в хранилище), то заднеязычного (х пал^осьч'ку, хр^ол).

В речи некоторых информантов отмечены случаи прогрессивной ассимиляции заднеязычных: старуш'к'ь (им. пад.), ман'ен'к'а, Вáс'к'а, Сán'к'а, т'ихв'инс'к'ей (ж.р., дат. пад.), в н'án'к'аф, бабул'к'а, з д'ен'г'ам'и, но: Вán'ка, ку-жен'к'ьф (куж^еньки - лепешки), јóльч'кь, п'еш'ку, кап'еику, нъкълбуч'каф, х пал^осьч'ку, быч'куоф.

В говоре проявляется тенденция к произношению протетического [т] в сочетаниях спирант + плавный: стразу, струп (= сруб), стл'ивы. Наряду с этими случаями отмечены и гиперкорректные формы с выпадением этимологического т: срáшнъ, србили. Отмеченные С. С. Высотским формы с утратой постконсонантного j бытуют в лекинском говоре и по сей день: н^оч'чу, з гóрдьс'ту, правл'ен'а, съв'еш'ан'ь.

Выше были отмечены стяженные формы глаголов, возникшие в результате утраты интервокального *j* и появления зияния гласных: *дúму*, *дúмът*, где *j* следовал после заударного гласного. В случаях типа *знáу* (= *знаю*) имеет место утрата *j* примыкавшего к ударному гласному.

Попрежнему встречаются случаи появления протетического *j* в неприкрытом слоге, если предшествующее слово оканчивается на гласный: и *иад'йн гот*, и *иап'át'*, и *jóхът* и *н'икадá н'е óху* (= *охаю*).

Отмеченная предшествующими исследователями тенденция к дистантной ассимиляции свистящих шипящим существует в говоре до сих пор. Наряду с многочисленными случаями произношения *пешна́йцът'*, *пештџи* были также записаны примеры: *шажáл'и*, *дáл'шь жúbы удал'áл'и* - в последнем случае проявилась прогрессивная ассимиляция.

В позиции перед *j* отмечены палатализованные шипящие: *саш'jóщ*, *саш'jú*.

Лекинский говор, несомненно, представляет интерес для специалистов в области акцентологии. В нем последовательно сохраняется перенос ударения на предлог в сочетаниях предлогов со старыми энклиноменами: *сб льду*, *пó льду*, *за озеро*, *нэ дали*, *на вечер* и т.п.

В ряде глаголов в отличие от других говоров наблюдается ударение на основе в I-м лице настоящего-будущего времени, напр., *с́ижу*, *ска́жу*, *поды́му*, *запи́шу*, *гля́жу*. В формах глаголов *пустила́*, *растила́* отмечен перенос ударения на окончание.

Сравнение современного состояния лекинского говора с тем, которое было описано А. А. Шахматовым и С. С. Высотским, говорит о чрезвычайно медленном его изменении. Однако будущего у этого говора нет - по причинам лингвистическим. Ни в Леке, ни в обследованных нами соседних деревнях совершенно нет молодежи: все молодые люди из этих деревень уехали и живут либо в Москве, либо в других городах. Советская политика, направленная на уничтожение крестьянства как класса, проявилась здесь в полной мере.

Примечание: Все анализы были проведены при помощи программы SONA ; см. Knipschild, M. Sappok, Ch. (1991).

Использованная литература

- Высотский, С. С. 1949: О говоре д. Лека (по материалам экспедиции 1945 г.). В: Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. II, М. 1949.
- Касаткин, Л. Л. 1990: Латентный период в истории фонемы. В: Z. Saloni (ed.), *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*, К шестидесятилетию Ю.Д. Апресяна, Białystok 1990.
- Касаткин, Л. Л. 1991: Утрата {ь} в связи с процессом монофтонгизации дифтонгов в русском языке. В: *Современные русские говоры*. М. 1991.
- Knipschild, M., Sappok, Ch. (1991): *Akustische Zeichenverarbeitung durch SONA und VERSTEU*. *Fortschritte der Akustik. DAGA 1991, Bad Honnef 1991*, 1045-1048.
- Шахматов, А. А. 1913: Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. В: *Известия отделения русского языка и словесности*. Т. XVIII, кн. 4, 1913.

Бохум, Москва

К. Сапюк, Л. Касаткин, Р. Касаткина